ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩНОСТИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Е.Я.Пация, И.А.Разумова

ПОМОРСКОЕ СЕЛО: СНОВА НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕН (ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕРЧАН)

"Белое море нас кормит. Без него и мы бы здесь не жили. Поморы – это люди, которые живут у моря. В каждой деревне народ разный"

"Поморы, они такие трудолюбивые, потом, ну, как они хотят, то и получают, ну, целеустремлённые. Как мне кажется, вперёд, вперёд всё время"

"А как будешь не упряма, спусти всё, и ничего не будет"

"Раньше было проще выжить, сейчас наши дети без помощи выжить не смогут"

"Мы сами не знаем, что означает Чаваньга.... Это надо искать, может, даже где-то на новгородчине"

"Люблю, ещё Чаваньгу не любить. Деревня наша. Родилась здесь, выросла здесь. Наша деревня очень красивая. Я была в Кашкаранцах, мне не понравилось"

(из интервью)

Эти заметки написаны по материалам двух экспедиций в с.Чаваньга, расположенное на Терском берегу Белого моря. Первая состоялась в октябре 2004 года, вторая – в июле 2006. Несмотря на то, что поездки были предприняты изначально с различными целями, участникам предоставилась возможность сделать некоторые наблюдения, касающиеся быта села и его жителей, собрать, на наш взгляд, интересный историко-биографический материал и, самое главное, немного приблизиться к пониманию того, как осмысливают, оценивают и переживают терчане свои возможности и перспективы в настоящее время. Прежде всего, именно поэтому мы ограничиваемся здесь изложением своих наблюдений, не стараясь затушевать их субъективность, ведь личность наблюдателя в современной науке справедливо признается одним из исследовательских инструментов. Кроме того, мы считаем необходимым дать право голоса жителям села и приводим немало цитат из интервью и бесед с

ними. На взгляд стороннего человека, эти высказывания могут не только подтверждать, но и опровергать наши интерпретации, что вполне закономерно.

Необходимо подчеркнуть, что мы специально отбросили все предыдущие литературные, публицистические и прочие устойчивые образы и представления о Терском береге, формированию которых немало способствовали этнографы и фольклористы. Свою задачу мы видели в наблюдении за жизнью современного сельского сообщества в условиях современного, быстро меняющегося хозяйственного и бытового уклада. Одной из главных целей экспедиции было – по возможности выяснить, насколько и каким образом адаптируются жители побережья, потомки коренных поморов, к сегодняшней социально-экономической ситуации.

Первые впечатления

Первую экспедицию мы проводили в октябре, когда в селе остались те, кто живет на постоянной основе, а дачники и школьники уже разъехались. В это время еще не закончилась осенняя семужья путина, и население было занято работой.

Нам неожиданно повезло, и мы с небольшой задержкой во времени, 6 октября 2005 г. приземлились в аэропорту с.Чаваньга. "Аэропорт" представлял собой естественное ровное песчаное плато, возвышающееся над довольно низким и плоским морским берегом. Почти до самого горизонта тянулась низина, нарушаемая песчаными дюнами и куртинами низкорослого можжевельника или ельника, подстриженного ветрами со стороны моря почти под острым углом. Лес узкой полоской просматривался далеко на горизонте. Нас встречали. Вещи погрузили на мотоцикл, а мы, как и все вышедшие из самолета, пошли по извилистой тропе в село.

С противоположной стороны реки на нас смотрели фасады добротных деревянных домов. В свое время побережье реки было "центральной улицей". Идти до села нужно было два километра. Подвесной мост внушал доверие своей массивностью. Впечатление было неожиданным и радужным. В самой Чаваньге оно еще больше усилилось. Прямые улицы с деревянными мостками, все дома целые, выкрашенные, у каждого дома палисадник с рябинами. На некоторых - спутниковые антенны. Из "новоделов" - всего один дом на окраине села. Все ухожено, свалок не видно, никакого намека на разруху. Даже старинные дома, не моложе начала XX века, не скособочены и стоят под целыми крышами, и хотя некоторые (из старинных) были закрыты на зиму, они не были заколочены. На приусадебных участках убран урожай. Ощущение от встречи с чем-то очень позитивным не портило хмурое октябрьское небо, то и дело посылавшее на нас снежные заряды. Накануне в пос.Умба мы встречались с уроженкой Чаваньги, расспрашивали ее о селе, и нам еще неоднократно предстояло убедиться в справедливости ее слов:

Не нарушена деревня, не нарушена, мосточки везде, рядками, так оно и есть, рядками все. Ну, может где-то че-то и изменилося, кто-то не живет, только что народу мало стало, и на зиму народ-то куча всего, народ-то напокупали этих квартир, так эти, как его, сюда на зиму-то съезжаются, а опять тепло-то пойдет, и опять все туда, в деревню, но какая-то часть-то остается в деревне, не все же сюда скупили квартиры,

не все-то одинаково живут, как, один богато, другой бедно, как говорится, кто рыбу ловит, так тот и покупает, кто умеет, да может, как говорится (Ж, 1937 г.р.).

Хозяйка, у которой мы поселились, не раздумывая, взяла на себя все заботы о нашем быте. Что в доме есть, все на столе. С раннего утра топилась русская печь, готовилась поморская еда.

На улицах ни соринки. Как рассказывал наш коллега-ботаник, родом из этих мест, "не убрано – это когда улицу подмести не успели!" На огородах порядок, ровные поленницы дров, по-здешнему "костры", в больших количествах сложены у каждого дома. Дома не запираются. Традиционная палка, приставленная к двери, указывает на то, что хозяева отсутствуют. В домах полный порядок, беленые печи, на стенах фотографии - это заслуга женщин. Чистота особая, все блестит. Быт налажен: воду берут в колодце, помои выливают в яму, сухой мусор бросают в печку. А вот "удобства" – средневековые, как в большинстве российских деревень (да и не только деревень).

В каждом доме современный телевизор, холодильник, у пожилых людей японские тонометры, у молодежи видео- и фотокамеры, DVD-плееры. Судя по всему, деревенские жители используют современные возможности улучшить и скрасить свой быт. Местная учительница рассказывала:

Она знает, во сколько свет дают, в пять часов, если захотела посмотреть, то включает кассету себе. <...> Вот, ну а мультики смотрят дома, кассеты, видик. Видики практически у всех, у школьников, точно знаю, у всех. Передачи детские смотрят телевизионные, <...> про животных и о животных очень любят смотреть (Ж, 1976 г.р.).

Действительно, жизнь за внешне благополучными фасадами отнюдь не проста и весьма парадоксальна. Электричество днем отключается, возобновляется его подача с 17 часов и работает до полуночи. Вероятно, люди привыкли к этой ситуации, поскольку не очень сетуют на нее.

Транспорт и прописка

Чаваньга – типичная "отдаленка". "Транспортная" тема возникла сразу же, на этапе сборов в поездку и сопровождала нас все время, а вместе с ней и осознание проблем всех тех, кто живет на Терском берегу или посещает его. Наша умбская знакомая с этого и начала рассказывать о родной деревне:

А про Чаваньгу. Чаваньга - деревня на красивом месте, наши девки запоют, так слышно верст за двести, так что. Я давно сейчас сама не была. Билет очень дорогой, раньше как рейсовый ходил, так сядешь на рейсовый, а сейчас приедешь, на лодочке выедут, съедешь с пароходика, как говорится, красота, благодать. А теперь все куды-то подевалось, не попасть теперь ведь с самолета, так не у каждого деньги-то такие, где их взять-то, раньше-то часто ездили (Ж, 1937 г.р.).

До 90-х годов XX века сообщение с селом было летом по морю, останавливался рейсовый пароход, причем причала не было, как нет и сейчас. Зимой добирались по зимнику на оленях или тракторах. У организации, которая сейчас называется колхозом, есть яхта, и она ходит в Умбу по мере необходимости, а фактически редко. Основной способ сообщения – воздушный. В наши дни раз в неделю должен летать (хотя и не всегда летает) самолет АН-2.

По мнению многих жителей, ситуация вряд ли изменится к лучшему, поскольку остался он один на всю область:

Да, самолёт вряд ли будет летать, тут уже к тому идёт, что самолёты уже не пускать, это уже, что сломается, теперь летает один самолёт (Ж, 1937 г.р.).

Такое положение дел вызывает воспоминания о традиционном способе преодоления расстояний:

Этих самолетов не было, пойдут ребята на допризывку на лыжах, вот из Чапомы особенно, там сколько, двести километров до Умбы, двести пятьдесят километров, все ведь на лыжах пойдут, какие вот ребята были (Ж, 1937 г.р.).

Добраться сюда легче всего самолётом один раз в неделю, а может и в месяц. Легче пешком по берегу, пятьдесят километров, ходили же раньше (Ж, ок.40 л.).

Сложности связаны с перевозкой грузов, и здесь каждая семья выходит из положения по мере возможности, а возможности эти разные. Один из главных (если не самый главный) показателей благополучия и экономической самостоятельности – владение надежным и престижным транспортом:

Р1: А теперь ни кирпича не возят, ни стекла, вот стекла лопнувшие надо заменить, с Умбы вести, а с Умбы как везти, на "буране" <...>*

Р2: А не дай бог, плиту если везти, сколько она весит, если лопнет плита, надо заменить ее, сколько она весит, ну, плиту, ладно, на вездеходе можно привезти, но опять-таки у кого есть такая возможность. Например, лично у нас есть такая возможность, если Сергей поехал, а если вот нет? (Ж, 1931 г.р., М, 1938 г.р.) .

Вопрос о том, как поступают в критических случаях, если, например, нужно вывезти больного, вызывал известное замешательство и неуверенность:

Если что-то экстренное <...>. Ой, я даже не знаю, не могу сказать, за какое время вызывают вот вертолет, и тогда он прилетает. Нет, вездеход, машина, летом потеплее, море поспокойнее, так на лодках. Нет, там с Чапомы, Чапома-Архангельск, по-моему, пароход ходит, сюда не заходит, раньше ходил, потому что мы сюда приехали на пароходе. Жители встречали, сейчас уже не ходит. Вездеходы, машины, надо заранее договариваться, возьмет, не возьмет, соответственно (Ж, 1976 г.р.).

Проблемы не ограничиваются только "физической" доступностью транспорта. Степени доступа оказываются статусно-экономическими и, по существу, являются показателями административной стратификации сообщества:

Р: А теперь, теперь вот в Умбу летаю не за двести пятьдесят рублей как коренной житель, а за восемьсот, потому что он мне вызов дает как муж, а так бы за две триста лететь надо было.

И: Почему?

Р: А потому что прописана в Умбе. В Умбе квартира, семьдесят лет здесь прожила, здесь родилась, больше сорока лет я здесь отработала, депутатом тридцать с лишним лет и ничего, не имею права пролететь за двести пятьдесят рублей (Ж, 1931 г.р.).

---

* Р1 и Р2 – респонденты, И – интервьюер. Индекс используется при необходимости указать, что в беседе участвовали несколько респондентов, как в данном случае – муж и жена.

Таким образом, то, что, с точки зрения самого человека, составляет его "символический капитал" и связывает с данным местом (факт рождения, стаж работы и проживания, прежний социальный статус), оказывается недействительным с позиций чиновничье-административных. Факт прописки/регистрации сводит к нулю заслуги перед земляками (фактор морально-психологический) и является (и это самое важное) средством манипулирования людьми (фактор социально-политический). Регистрация, призванная быть средством, во-первых, административного контроля за населением и, во-вторых, закрепления людей на определенной территории, фактически служит лишь условной выгоде транспортных предприятий. В стабилизации населения на Терском берегу власти явно не проявляют заинтересованности. В свою очередь, в полном согласии с российскими традициями, жители приспосабливаются к ситуации, используя то обстоятельство, что места регистрации и проживания находятся в отношениях неполного соответствия:

А где я буду прописана, в Умбе что ли? Меня дочь уговаривает прописаться, я говорю, нет, я не буду. За две тысячи буду летать, а я две тысячи всего получаю, две четыреста. Здесь, здесь прописана (Ж, ок.1930 г.р.).

Колхозное хозяйство – "раньше" и "теперь"

Колхоз "Беломорский рыбак" был организован в Чаваньге в 1931 году. В самый успешный период своего существования он был колхозом-миллионером. Утверждение это, очевидно, нуждается в уточнении на основе строгого анализа документов. В разное время в колхозе выращивали то свиней, то овец, было большое стадо коров, но все оказывалось не востребовано, и молоко выливали, а мясо зарывали. Когда запустили производственную линию по производству пресервов из беломорской селедки, у колхоза была приличная прибыль. Однако колхозники лучше жить не стали. Сейчас пресервы не делают, и в экономическом положении колхозников по существу мало что изменилось. У колхоза были и есть суда на Мурманском берегу, но колхозники, судя по всему, не имеют на них прав.

Разумеется, нас интересовали не экономические показатели работы хозяйства и его документированная история, а то, как чаваньжане оценивают его деятельность в настоящее и прошлое время. История, сохраняемая в памяти людей, не совпадает с документированной историей, которая тоже многовариантна. Так, если документы свидетельствуют о явной убыточности животноводства в Чаваньге, то мнения старожилов различны:

Просто-напросто уже теперь все запущено, вот, а вот, ну, когда колхоз был у нас здесь тридцать с лишним дойных коров было, потом год передерживали телят на мясо, а потом еще молодняк, и телят переращивали, где-то больше шестидесяти голов было скота, кроме этого, почти в каждом дворе еще своя корова была. Если б не коровы, как бы здесь было выжить, только этим и выжили (Ж, 1931 г.р.).

Беседуя с представителями старшего поколения, мы не ожидали особых открытий, касающихся сравнения жизни в советский колхозный период и постсоветский. Наименее адаптированные к новой социальной ситуации, пожилые люди, как известно, склонны идеализировать советское прошлое

в противовес настоящему. Они не замечают парадоксальности таких, например, утверждений:

И: Было такое время, что хорошо было жить в колхозе?

Р: Да, да, да, было. Мы не в обиде на колхоз, только тут заработков не было, двадцать копеек за день, а оттуда здесь и не каждый день работаешь, вот и всё (Ж, 1924 г.р.).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что и о "том", и об "этом" времени жители села говорят сдержанно. Ключевое слово в определении жизненной стратегии во все обозримые (на протяжении одной биографии) времена одно – выживание. По многочисленным уже исследованиям, такова основная "линия жизни" у огромного числа российских людей и семей, которым пришлось жить в советское время и на переломе эпох. В зависимости от реального положения семьи в тот или иной период, биографическая траектория и качество жизни оценивается по-разному:

Олени были, хозяйство у нас было. Дед у нас охотник был, и оленей было стадами. Ну, отец ушёл тогда на войну, и всё было вроде бы, а с войны пришёл и тоже болел пять лет, а мы-то жили во время войны с мамой, с бабушкой.

И: Так олени до самой войны были свои?

Р: Да, и олени были. Тогда как было, колхоз у них был здесь, я как-то помню, но может это война была, собирали по колхозам, например, нас считали, что мы вот коров держали, овец и помогали, и мясо посылали, были во время войны, может на фронт отправляли овец, телят, оленей брали.

И: Всё-таки своё хозяйство было, не так, что всё в колхозе?

Р: Своё хозяйство было, но они как работали в колхозе, а держали. Раньше вот у нас всё было по старинке. Дедушка у нас такой помор был коренной.

И: На оленях возил что-то?

Р: Ну, на оленях чего они только не возили и не заготовляли-то. Всё это они завозили из лесу, мох вот этот, опять же этот корм для скота (Ж, 1937 г.р.).

Результируя ответы на эти вопросы, можно сделать вывод, что мы имеем две основных модели: 1) при колхозах было неплохо, а сейчас положение бедственное; 2) и при колхозах было плохо, и сейчас не лучше. При этом представители среднего и младшего поколения (условно от 28 до 45 лет) более спокойны и нейтральны в оценках. В целом, складывается впечатление, что, по восприятию самих жителей села, на способ их выживания ничто не влияет.

Не помор хозяин на этом побережье. Он хорошо осознает антагонизм своих интересов с властью и одновременно признает ее "права" и силу. Отношение же к представителям конкретной власти естественно варьируется в зависимости от того, насколько те оставляют жителям возможность для работы на себя. В административно-ведомственные "тонкости" и существо реформ люди не очень вникают и, в целом, относятся к законодателям и управленцам с иронией. В оценках же результатов социально-экономических перемен преобладают настроения безнадежности, фатализма, примирения с неизбежным:

И: Но колхоз ведь должен быть богатый. Миллионер был?

Р: Да, миллионер был колхоз. А потом вот развалился в какие-то, как стала эта перестройка, и все.

И: Суда были на Мурманском берегу?

Р2: Так ведь до сих пор есть, только уже частники стали. А колхоз бедный остался. От чего ушли, к тому и пришли. Прослужил и все. Справили семьдесят лет, ни скотины, ни овцы. Такие, такие дела. Ну, что делать.

И: Частный колхоз стал, кто владелец этого частного колхоза?

Р: Я не знаю, кто вот с колхозом сейчас. Был какой-то, не знаю, как его называть, акционерный был сначала, потом сейчас опять колхоз перевели. В Мурманске управление, и Чапому забрал сюда, Тетрино, все вместе. Раньше были у всех свои начальники, а сейчас все общее, все свое. Колхозное все. Все колхозное, это все мое. (Ж, ок.1930 г.р.).

На побережье всегда было чем поживиться, а особенно в период социально-экономической нестабильности и "дикого капитализма", когда основным "приватизатором" стал первый руководитель колхоза "Беломорский рыбак". Ему принадлежат сейнеры, лодки, квоты. А население, по бумагам - колхозники, получают, мягко говоря, небольшую заработную плату. Выживают потому, что нарушают законы и браконьерят.

И: Сейчас что будет с Чаваньгой? Есть варианты?

Р: Мне, например, двадцать лет назад говорили, что через пять-семь лет, кто в городе живёт и переедут, что всё Чаваньга, всё погибнет, всё, её не будет, а получается, что колхоз приватизировали частные лица, живут на частных квартирах, а там обстроен дом для туристов и главное дом колхозный, и только его обшили, покрасили, обустроили, а так они, дома-то колхоз построил, также и вездеходы у колхоза были, а потом списали, потом подремонтировали и каждый всю. Это они тут морошку сдавали, это можно было озолотится. На Норвежской границе говорят, 16 евро, а тут принимали по 2 евро <...>. Зам. председателя, <имярек> в колхозе который сёмгу принимает, он в колхозную тару, колхозные бочки, всё повёз и сдал. <...>. И у него тут после этого появился с прицепом вездеход, идёт и тянет как домик для туристов такой шикарный <...>. Съезди на озеро, в лес куда угодно, то есть они после этого пошли вверх, купили это всё, то есть всё здесь получается, раскуплено, всё не колхозное, а частника. Тут рыбнадзор, и тут <имярек> ловит, ловят и тут же браконьеры (М, 1937 г.р.).

Рыба - основа жизни

Выживание здесь всегда зависело от того, сколько ловилось рыбы, и кто имел больше прав и возможностей ее ловить. Продукты рыболовства и зверобойного промысла позволяли существовать более или менее благополучно и даже "хорошо" в самые кризисные периоды:

Р: (В войну) было голодно, потому что кто рыбу ловили, у тех было снабжение, за рыбу давали муку им. У них даже не было хлебных карточек, а, скажем, сколько они дали им муки, и смотрим, мешок муки везут по деревне, а нам карточки, картошками, ну, спасались, картошка вот была.

И: А ловили не все?

Р: Не, не все, мать иногда вот садили на тоню, но очень редко, обычно когда рыба заканчивалась, потому что рыбаков хотя на фронте все были мужчины, но стариков (М, 1937 г.р.);

Во время войны тут ничего не было. Ну, это у кого семьи большие были, а мы-то одни с дедушкой жили. С дедом прожили, войну-то прожили хорошо. Мама рыбачила. Ну, а мы-то маленькие были (Ж, 1937 г.р.).

Очевидно, что сохранение поморских сел, и не только на Терском берегу, в их живом, а не музейном виде зависит только от возможностей лова. В этом отношении все запреты, в особенности практикуемые в настоящее время формы лицензирования и квотирования, объективно способствуют затуханию всякой хозяйственной деятельности и выезду населения с территории предков. По крайней мере, именно так воспринимают ситуацию сами жители. Для них будущее села, поморов как особой группы и собственное будущее связаны исключительно с рыболовством:

Только в колхозе мало людей работает, все же разъехались. Они жили, пока здесь рыба ловилась. Люди-то живут как? Рыбы нет. Чем они жить будут? В море то мало кто ходит, рыбу не дают ловить. А вот теперь рыбинспекция приехала. Теперь здесь шторм, непогода, да тут рыбка многих привлекла, а так здесь никого бы не было, здесь совсем мало людей. Которые коренные в колхозе, а теперь у них в Умбе квартиры, они на зиму все уезжают (Ж. 1937 г.р.);

Теперь камбалу нельзя ловить. Сиди да смотри на море, отдыхай, загорай. Какие мы поморы, если у такого богатства живём и ничего ловить нельзя. Контроль приедет с треской увидят и оштрафуют. Только двести грамм на человека, всё, будем уху есть (Ж, ок. 40 л.);

И: Есть ли будущее у деревни?

Р: Тут в основном рыбалка. Не дают ловить, запрещают даже камбалу для себя ловить нельзя. Колхозу ещё разрешают ловить селёдку, да квоту на сёмгу выделяют ещё пока (М, ок. 40 л.).

Все изменения в правилах, касаются ли они колхозного или индивидуального лова, варьируют от прямых запретов до условий, фактически ограничивающих доступ к рыбе и усложняющих процесс лова. Их устойчиво связывают или с корыстью начальства (большей частью ближнего, местного уровня) или с его недомыслием (это относится более к "верховной" власти):

9-го числа будет забастовка рыбаков. Заработка нет, попала в сеть сиг или кумжа, по закону я должен её выбросить в море. Мы берём на свой страх. Взяли - съели, а если придёт контроль? Раньше был один контроль, а сейчас два. Два журнала надо вести, столько ненужного писать приходится, ты и бухгалтер ты и метеоролог. А я не пишу. А чтобы квоту получить... В Москве ничего не понимают. Тянут, через месяц-два, наконец-то приходит разрешение. А рыбы-то уже нет. Или горбушу и дальневосточного рака завезли сюда, их расплодилось много, потому что врагов у них здесь нет. Ещё два года - и она сёмгу вытеснит. А ловить нельзя, штраф тыща рублей за рыбку. (М, ок. 35 л., рыбак из тех, кто на сезон приезжает поработать).

Упоминание о забастовке свидетельствует о том, что рыболовецкое сообщество пытается выработать и использовать коллективные формы противостояния тем, кто мешает им жить в собственном доме. Утверждения о том, что поморов "экономически вытесняют с берега", весьма типичны. Только субъект этого давления оказывается часто слишком абстрактным, "неопределенно-личным".

Сезонный образ жизни

По разным данным, в настоящее время в Чаваньге около 80 жителей. Зимой живут в селе, в лучшем случае, человек 40. Очевидно, было бы неправильно искать единственную и главную причину такого оттока населения, как и относить его к добровольному или вынужденному. Тем более, что мы имеем дело не столько с внутренней миграцией в собственном смысле слова, сколько с переходом к новому образу жизни. В соответствии с ним значительная часть чаваньжан в летний период живет в родном селе, а на зиму перебирается в районный центр - Умбу или в города области, прежде всего, ближайшую Кандалакшу. Многие смогли купить там квартиры с удобствами и сохранить при этом "родительские" дома. При этом для разных категорий жителей такой сезонный образ жизни сопряжен как с определенными преимуществами, так и с неудобствами. Воспринимается и интерпретируется он также неодинаково. Кто-то скорбит о том, что пришлось уехать из родного места, другие считают, что улучшили свое экономическое и социальное положение, особенно в сравнении с неблагополучием и "бесперспективностью" колхозной деревенской жизни, третьи (их меньшинство) стараются представить такую форму существования оптимальной.

В качестве основных мотивов своего переезда информанты называют распад колхозного хозяйства, невозможность заработать, дать детям полноценное образование и обеспечить достойную жизнь. К слову сказать, иногда сетования на "нищету" казались нам несколько преувеличенными, хотя и благополучной жизнь многих в Чаваньге назвать трудно, особенно тех, в чьих семьях нет рыбаков. Получается так, что в деревне, – в полном противоречии с ее традиционным "крестьянским" назначением, – хорошо отдыхать, но невозможно работать:

Ну, здесь хорошо, зимой скучно, потому что нету никого, все же уезжают, а вот летом никуда не надо. У меня вот сестра приезжает, вот говорит, Вера: "Никаких югов не надо". Тут и речка близко, а в этом году жарища какая, загорели, как не знаю кто. У меня Катюша, дети тоже приезжали, так хорошо отдохнули, только плохо, что деревня, у нас одна проблема: хозяйство надо держать, а держать невозможно. Раньше тут был колхоз и хозяйство многие держали, а щас комбикорм завести, там, в Умбе шесть рублей килограмм, переправить - так это не шутка, самолётом двенадцать рублей килограмм, всё невыгодно (Ж, 1958 г.р.).

Особенно скучают, расставаясь надолго с родным домом, люди старшего поколения. Когда-то, еще в советское время, убедившись в неполноценности деревенской жизни и унизительности полукрепостного колхозного строя, они старались отправить детей в города, работать или учиться. Наверное, эта "родительская жертва" была оправдана. Теперь же они не просто не в силах вести даже домашнее хозяйство, но, живя на Терском берегу, не могут часто видеться с детьми и внуками по причинам сугубо экономическим:

Дочки замуж вышли, уехали. Раньше приезжали, а сейчас одна приезжает. Дорого если ехать, много денег надо. Жизнь сделалась паршивая, по правде сказать, нехорошая. Но что сделаешь. В Умбу поеду на зиму, так туда приедут навестить. Сразу-то не скучаю, а потом денёчки считаешь, потому что дом здесь. Весной и картошку уже поднять надо (Ж, 1929 г.р.).

Таким образом, сезонность проживания получает свое дополнительное обоснование в воссоединении семей, старших и младших.

С другой стороны, такая форма мобильности, напротив, может разъединить семьи, в их основном работающем поколении. Если мужчины-рыбаки еще имеют своё занятие, способное обеспечить (и даже неплохо) семью, то женщины с детьми переселяются из деревни по своим мотивам:

Они сейчас вот все, у них в Умбе квартиры у всех, они здесь вот дети у кого, они в Умбе квартиру, что детям надо учиться. Мужики-то здесь все без жен, жены-то там, они, а на лето-то собираются сюда, приезжают (Ж, 1941 г.р.).

Да, папы здесь, а мамы с детьми там. Покупают квартиру, заранее уже покупают квартиру, и мамы живут там с дитем, а папы здесь. Сейчас, да. Семья: тоже мама с дочкой живет там, папа здесь, у них времени побольше, они приезжают туда жить. Потом Кожины семья, тоже двое детей, в Умбе купили квартиру, они тогда еще недорогие были <...>, вот, тоже мамы жили с детьми, а папы... У кого-то работают, у кого-то нет. У кого дети самостоятельные или бабушки. Поступили кто куда, тоже мама там, папа здесь. Тоже приспосабливаются (Ж, 1976 г.р.).

Женщинам приходится "разрываться" между мужьями и детьми

Он раньше на вездеходе работал. Машины старые. Переживаешь. Выйдешь в поле. Смотришь огонёк, ну и слава богу. А в море часто погода, а они выезжают. А теперь мы с детьми живём, зимой в Умбе, а они здесь одни. Придут в холодный дом, пока печь натопят... Отдыхать некогда (Ж, ок. 40 л.).

Чтобы пойти на такое разъединение, хотя бы и временное, нужны очень веские основания. И они имеются. Школа в селе только начальная. Так было всегда: дети учились в школах более крупных сел или жили в интернате. Но сегодня поморы стараются детей в интернаты не отправлять, поэтому либо ребенка берут к себе родственники, которые живут, например, в райцентре, либо родители должны решать вопрос о переезде. При этом в отношении собственного "интернатского" детства и отрочества мнения информантов значительно расходятся. Многие склонны считать, что пребывание в интернате имело ряд плюсов: обретение друзей, привычка к коллективизму, возможность часто видеться с родными. Они вспоминают интернатские годы не без ностальгии. Однако в нежелании отдавать своих детей в интернат чаваньжане едины. Сказываются и жалость к детям, оторванным от семьи, и обоснованные фобии, связанные с современной ситуацией, которая, по общему мнению, отличается от "безмятежной" советской социальной реальности. Кроме того, как выяснилось, организация быта в местном интернате оставляет желать лучшего:

Интернат-то, как ребенка, вот маленького ребенка можно оставить одного? Без присмотра, их там очень много детей, воспитатель - один. Их там больше, сколько их там не знаю, но человек тридцать, наверное, будет. Тем более они все разного возраста, и почему-то комнаты, не по возрасту, а по селам. Вот такая, у нас вот девочка со школы ушла в прошлом году в пятый класс, и поселили с чаваньгскими старшими девочками, ну, а старшие что делают, загоняют, заставляют полы мыть, еще что-то, то есть вот это вот, дедовщина. Одинакового возраста, у них будут одинаковые интересы, у них будут, не знаю, задания одинаковые будут (Ж, 1976 г.р.).

В тех случаях, когда из села на зимний период (или учебный год) уезжает вся семья, дом закрывают. На наш взгляд, это создает еще одну важную проблему, хорошо знакомую дачникам-горожанам:

Р: Мы приезжаем сюда где-то в половине апреля, и вот живем до половины ноября... там уж первый год в декабре уже уехали.

И: А дома стоят пустые, никто не боится, что разорят?

Р: Пока нет <...> боятся потому что, ну пока еще корни то, ну пока еще молодые, но корни-то пока еще свои деревенские, палку поставили и пошли, пока не боимся, не знаю.(Ж, 1931 г.р.).

Приведем еще один, на наш взгляд, показательный диалог:

И: А дом вы просто закрываете и всё?

Р: Да.

И: Не боитесь, что разорят?

Р: Ну, двадцать лет мы тут жили, а тут вот Резвих приехал, а дома-то закрыты и начал, сказал, что эти дома все мы заберём. А какое ты имеешь право, нам бумаги писал этот председатель, ну, а потом уже, потом начали жаловаться, что не имеют права забирать, люди начали, личные дома ведь, негосударственные. У нас же не колхозные дома.

И: Деды строили.

Р: Ну, отцы, деды строили, а они начали. Какое они имеют право дом отбирать, ну, тут многие возникали, многие. У нас же у многих, вот тут дом нашей бабушки, маминой матери дом есть, ну, а теперь начали здесь.

И: Так ни у кого не отобрали?

Р: Нет, не дали (Ж, 1937 г.р.).

Обратим внимание на непонимание между интервьюером и респондентом. Вопрос был рассчитан на то, чтобы собеседница высказалась о поведении местных жителей, наличии или отсутствии в селе воровства и т.п. Но "разорение", покушение на собственность, как выяснилось, ассоциируется у нее исключительно с "хозяином" колхоза. Заслуживает внимания и настойчивость в отстаивании своих прав владельцами домов. По нашим впечатлениям, с несправедливостью в отношении колхозной собственности поморы мирятся значительно легче, принимая ее как данность.

Пока трудно судить о том, в какой степени и для каких категорий сельчан перемена образа жизни является добровольной или вынужденной, продиктованной установкой на успех или "выживание". Несомненно, что есть и такие, для кого в настоящих условиях не только приобретение квартиры в райцентре, но даже образование детей является недоступной роскошью:

Есть, ну, молодёжь есть, то, что поступить-то не на что, сейчас же всё за плату, вот Аня куда-то подавала в Мурманск документы, и опять же выехать денег нет, даже до Мурманска доехать у неё нет, не платят (Ж, 1958 г.р.).

Ясно одно: для понимания общей картины происходящих перемен необходимо время и более глубокое изучение ситуации.

"Приезжие" и "туристы"

Еще в аэропорту Умба, пока участники экспедиции ждали самолет, разговорились с одним из пассажиров, который резко отличался от других.

Подъехал на новенькой иномарке с зарубежными номерами, баулы, сумки – все говорило о человеке достаточно состоятельном. Октябрь к туризму не располагал. Незнакомец летел в деревню Чапома. "Каждый год, хотя бы на неделю выбираюсь в эти края, - рассказывал он, - глотнуть свежего воздуха и побыть среди здешних людей, душой отдохнуть. Никакие "Канары" и "Гаваи" этого заменить не могут, они для престижа, а здесь для себя".

Красота, своеобразная экзотика и рыбные богатства здешних мест по достоинству оценены за пределами Кольского Севера. Семужные реки и на Терском берегу используются для спортивной рыбалки, но этот отдых доступен только очень богатым людям. Москвичи чаще других строят на берегу базы отдыха, коттеджи, вывозят сюда своих детей подышать чистым воздухом. В устье Варзуги, где основная переправа в восточную часть побережья Белого моря, в летнюю поездку мы насчитали десятка два машин: от джипов до "Нив". Номера, в основном, московские, реже питерские, две машины были из Нижнего Новгорода. Их владельцы уже путешествовали по побережью. Машины никто не сторожил. Паромщик рассказывал, что люди приезжают разные. Некоторые привозят с собой лодки, другие велосипеды, а кто и просто пешком, люди неодинакового достатка и интересов. Есть и постоянные посетители, не один год сюда наезжают.

Отношение к приезжим, которые избирают Чаваньгу в качестве более или менее постоянного места ежегодного отдыха и бизнеса, и туристам у жителей неоднозначное. При этом большинство населения в летний период – это, фактически, приезжие: родственники из других местностей и городов, учащаяся молодежь, приехавшая на каникулы и т.п. Однако все же ощущается известная грань между "своими" и "чужими", которая проходит, скорее всего, по признаку родовой принадлежности. Некоторые потомки коренных чаваньжан приезжают в родной дом именно для того, чтобы заработать "на туристах":

Ну, сын вот здесь работает, вернее, сын в Умбе живет. Вот закончил, работал в колхозе он у нас электриком долго, а потом вот так колхоз распался, семья в Умбе, он здесь, зарабатывает, ну, работает, где туристов, с техникой связано, бураны, где-то в дороге <...> у него вездеход, буран свой, буран этот, а там еще ребятам старый буран, дед новый себе купил, еще старый буран, три бурана надо, пилы, бензопилы, электрическая рила, все это пока отремонтирует (Ж, 1931 г.р.).

Вместе с тем очевидна неопределенность разделения статусов "местный" и "приезжий". При их идентификации немаловажную роль играют признаки материального благосостояния и места постоянного жительства, сопряженного с образом жизни и поведением (приезжий = городской = богатый):

Не знаю, раньше как-то в детстве у нас деревня была чище гораздо, сейчас вообще все нарушилось. Травка как асфальт, а теперь уже ямы, деревня была чище гораздо. Нет, у нас все местные, но они у нас как городские считаются, ловят хорошо, продают, денег-то много (Ж, 1941 г.р.).

В качестве "дачников" (заметим, что само это слово не в большом ходу у жителей) приезжают те, кого еще принято называть "новыми русскими". Отношение к ним, особенно у пожилых людей, весьма критическое. По их мнению, такие отдыхающие, как всякие временщики, наносят урон селу, портят его внешний вид и нарушают порядок:

Р: Да, старались, чтобы как-то было красиво, весна начнется, все под метелку подметешь, все палисадники, цветочки посадишь, а теперь... А вот видим этих новых русских, это страшно.

И: Так они приезжают как на дачу просто?

Р: Так они тут живут, перед окнами бани построили, окна заделали рубероидом, всем на свете. Мы-то стараемся, чтоб светло было, смотри сколько окон. Я когда работала на почте, как только начинается весна, начинают проталинки, все подметаю, все подчистую, палисадники, вот все что деревья, это я сама посадила. На своем принесла, посадила, и они такие большущие выросли, так вот жалко. Калитка открытая, ходила, это самое завязала, чтобы овцы не ходили. Тут смеются, все душа болит. Ну, как же я не знаю, почему-то вот такое. Раньше не было у нас такого, что по улице проезжали машины. А теперь они не разбираются, они новые русские наши. То ли там по морю ходили, там, то ли та сторона была, а тут по этой. Тут все было, посажены цветы были, ухаживали за цветами все такое, теперь все забросили (Ж, ок.1929 г.р.).

С отдыхающими связаны истории о неадекватном поведении, которые рассказываются и как анекдотические: приезжие приняли сапоги за утопленника, задавали смешные вопросы и т.п. Сходным образом, с иронией и, в целом, дружелюбно рассказывают об участниках многочисленных фольклорно-этнографических и экологических экспедиций. Несколько лет назад примечательной фигурой в Чаваньге стал некий "профессор", который купил там дом, отличающийся от остальных строений:

И: А вот тут кирпичные дома строят, это кто строит, там вот на выходе?

Р1: Это колхоз, но они давно строили, потом все, это все было давно все завезено, и давно строили, потом это все заглохло, никто не стал строить, ничего, а тут приехал, теперь у нас не один год уже с Москвы профессор ездит, академик он. <...> Он занимается где-то видимо, приезжают у него ребята за 7 километров, там дом построен, он там обосновался, ему сразу колхоз дал, и туда к нему приезжают отдыхать... студенты.

Р2: Студенты богатых родителей.

Р1: Студенты приезжают, преподаватели приезжают. <...> Теперь он занимается бизнесом, а он, по-моему, по каким наукам, я не знаю даже.

Р2: Он, по-моему, английский язык.

Р1: Он был профессором, теперь сказали, что он даже академик, приедет, вы извините, у нас ни один колхозник в таком виде не пойдет, в каком он, рваные эти самые спортивные <...> Раньше здесь нанимали человека готовить, а теперь привозят с собой.

Р2: Он же много получает, хорошо зарабатывает за счет этого <...>. К нему и иностранцы приезжают...по три, по четыре человека (Ж, 1931 г.р., М, 1938 г.р.).

Собственно "туристы", которые посещают села Терского берега с экскурсионными, спортивными и рекреационными целями и интересуются, в основном, природой и рыбалкой, у местных жителей не вызывают негативных эмоций. Напротив, их познавательный интерес встречает понимание и подтверждает престиж села, с ними неплохо пообщаться, и поморы рады

выступить в роли радушных хозяев. При этом местные туристам рады, так как у них появляется возможность заработать "живые"деньги . Поскольку визитеры в большинстве своем москвичи, то и расценки на услуги московские. Прочим обижаться не приходится, остается только относиться с пониманием. Существенно и то, что туристы, как правило, долго не задерживаются в самом селе:

Вот в этом году у нас были, у нас москвичи приезжали, тоже вот ходили. Когда праздник День рыбака, они тут все ходили, конечно, фотографировали <...>

Я вот знаю, что ездят сейчас много туристов.

И: А как реагирует население?

Р: Они же приехали, на вездеход сели и поехали. В леса. Даже летом заходили, стояли, не помню, то ли шведы стояли, то ли кто-то, так фотографировать начали, как вот магазины у нас работают, как обслуживает персонал, к нам зашли, нас стали фотографировать. У них это тоже интересно, своего рода экскурсия, в какое-то село, древнее такое (Ж, 1976 г.р.).

Вместе с тем закономерны критические суждения, основанные на сравнении:

Кому как нравится, туризм развивается, а село-то, зарплату не платят, и вот свои не знают, как жизнь повернётся, потому что надоела деревня, село, поеду в город <смеётся> (Ж, 1958 г.р.).

Критика и негативизм связаны с "политикой" и руководством, которому не без оснований приписываются корыстные намерения, очевидно враждебные по отношению к местному поморскому населению:

И: Вы думаете, что Чаваньга жить не будет, да?

Р: Если, если политика не изменится, то не будет, потому что теперь такое ощущение нам кажется, что вообще население отсюда выдавливают, сделать, видимо, хотят сделать туристическим краем. Вот туристы все лето, все лето ездят, и на реку и везде, а свое местное население лежали, вот теперь, раньше, что такое рюжа, рыбак, вот он на тоне уже рыбачить не может... Рюжа, раньше было, хоть, ну пусть брали вот это разрешение, так нету, до первого октября только... Теперь вот год на год не приходится, иногда первого октября... кругом, и сами ловить не будем (Ж, 1931 г.р.).

И: Вот на Ваш взгляд перспектив нет здесь хоть не у колхоза, а у деревни?

Р: Я не знаю, как дальше будет, не знаю, так плохо это.

И: А если будет туристская зона?

Р: Так а что, туристская зона, так что. У нас тут есть для туристов, есть, так что там один человек. Ну, я не знаю, если кому эта прибыль от них идет, кому там она идет, не администрации, и кому там, не знаю (Ж, 1941 г.р.)

Наконец, оптимальной представляется ситуация, при которой на одной территории всем находится место и дело:

И: Вот как Вы считаете, это место можно считать туристским, это к добру или к худу, на Ваш взгляд?

Р: Мне кажется, хуже. Мне кажется лучше, если бы жили люди и занимались каждый своим делом, каждый своей работой, тогда туризм процветал. Туристы сюда ездят и интересуются, и смотрят, без нанесения вреда, ущерба природе (Ж, 1976 г.р.).

"Мы живем своей жизнью"

Изо всего многообразия голосов и интонаций, которые мы смогли расслышать в полифонии сетований, тревог и надежд, умиротворения и безысходности, отчетливо прозвучала тема, которую можно было бы обозначить, как стремление к гармонии или к определенному равновесию. Эта интонация принадлежит, в основном, представителям среднего и относительно молодого поколения жителей Чаваньги - 30-40-летним. Различны их экономическое положение и занятия: рыбак и домохозяйка, библиотекарь и учительница, а также статус: коренные и приехавшие, но укоренившиеся в этом поморском селе. Общими для них являются ощущение "своего места" здесь и попытка трезво осмыслить новые условия жизни с учетом реальных возможностей. Знакомство с ними лучше всего опровергает известные стереотипы, что молодежь не хочет и не умеет работать, жаждет легкой жизни и легких денег, присущие старшему поколению. Например, дочь нашей квартирной хозяйки - красивая, энергичная, до крайней степени организованная и трудолюбивая, очень практичная (заявила, что не ест семгу, потому, что знает, сколько она стоит), с характером лидера, организатор общих праздников. Взять у нее интервью было проблемой, потому что для нее важна прежде всего работа, а потом все остальное. На вопрос, хотела бы она уехать отсюда, ответила четко и жестко: "Куда? Где мы нужны? Где нас нет. Здесь мой дом. Всё своими руками сделано: и печь и огород. Там, в Умбе, квартира, а здесь дом". А об отце, который, как считает, сформировал ее жизненную позицию, сказала так:

Папа у нас был строгий. Мы не то чтобы его боялись. Слушались. Он всегда хотел, чтобы мы были первыми. Не лодырничали. Работали. Может, это было и правильно. Казалось, слишком строго требовал. Чтобы мы всего добивались сами. Хотя у него было много льгот, он никогда ими не пользовался: "Я сам пробивал себе путь, и вы должны". Считаю, что каждый из нас нашёл свой путь.

Её муж – один из самых успешных рыбаков в селе, охотник и мастер на все руки, он из многодетной семьи. Квартира у них в Умбе, а в Чаваньге новый дом, построенный собственноручно. Деревца около дома еще маленькие, зато в палисаднике цветут дикие незабудки, гвоздики и еще какие-то редкие цветы. Хозяин как истинный помор, сдержанный, неразговорчивый человек, всю эту красоту принес с побережья, и с его легкой руки все дикоросы прекрасно прижились. Все свободное время он проводит с двенадцатилетней дочкой, которая с видимым удовольствием занимается хозяйством и почти каждый вечер ездит с отцом на рыбалку, причем садится за весла. Именно Николай в разговоре о том, что молодежь стремится в город, заметил:

Может, кто и вернётся, поживём – увидим. В городе жизнь тоже не проста, дорого всё. А здесь красота. Воздух свежий. Летом так просто замечательно. А зимой занимаемся рыбалкой, охотой. Мы вообще-то счастливый народ здесь. Мы живём своей жизнью, ни от кого не зависим. Простая здесь жизнь. В городе сложнее. Здесь не ленись, так вырастишь всё сам.

И подумалось, что не очень просто будет "выжить" с побережья таких поморов, унаследовавших известный своей "крепостью" поморский характер, осознающих свой интерес, умеющих работать и отстаивать свой автономный мир не путем агрессии, но силой личности.

Вместо заключения

Из Географического словаря Кольского п-ова:

"Чаванга, село, Терского р-на; сельсовета. На Терском берегу при впадении р.Чаванги в Белое море. От пос.Лесного (Умба) – 200 км. Сообщение летом по морю, зимой - на оленях. Остановка рейсовых пароходов. Существует с XVII в. Входило в состав Варзугской, а затем Кузоменской волости. По переписи 1926 г. – 223 чел., к 1938 г. – 299 чел. (русские) Рыболовецкий колхоз "Беломорский рыбак", рыбообрабатывающая фактория (семга). Нач. школа, амбулатория, почта 6 раз в месяц зимой, 5 раз в месяц летом, телефон" (Географический словарь Кольского полуострова. Т.1. - Л., 1939. - С.105-106).